

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ»

Е. С. Иванова

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030,
г. Минск, Беларусь, shishka22@mail.ru*

В статье прослеживается влияние библейских реминисценций на сюжетно-композиционную структуру рассказа А. П. Чехова «Архиерей». Утверждается, что проекции и параллели с евангельским повествованием о последней неделе земной жизни Христа, а также с образами апостолов Петра и Павла существенно повышают содержательно-эмоциональную емкость произведения, углубляя психологизм и становясь основой для обобщенного философского подхода к проблемам человеческого бытия. Показывается, как за счет использования интертекстуальных включений из Нового Завета усложняется взаимодействие семантики текста с системой художественных средств, что приумножает количество его интерпретаций и создает возможность сотворчества, интеллектуального диалога с читателем.

Ключевые слова: А. П. Чехов; «Архиерей»; библейская реминисценция; аллюзия; ассоциация; притча; апостолы Петр и Павел; интертекстуальность; проекция; подтекст; «футлярность».

BIBLE REMINISCES IN A. P. CHEKHOV'S STORY "THE BISHOP"

E. S. Ivanova

*Belarusian State University, K. Marx St., 31, 220030,
Minsk, Belarus, shishka22@mail.ru*

The article traces the influence of biblical reminiscences on the plot and compositional structure of A. P. Chekhov's story "The Bishop". It is argued that projections and parallels with the Gospel narrative about the last week of Christ's earthly life, as well as with the images of the apostles Peter and Paul, significantly increase the content and emotional capacity of the work, deepening the psychologism and becoming the basis for a generalized philosophical approach to the problems of human existence. It is shown how, through the use of intertextual inclusions from the New Testament, the interaction of the semantics of the text with the system of artistic means is complicated, which increases the number of its interpretations and creates the possibility of co-creation and intellectual dialogue with the reader.

Key words: A. P. Chekhov; "The Bishop"; reminiscence; allusion; association; parable; apostles Peter and Paul; intertextuality; projection; subtext; "case".

В последний период творчества значительно возрастает интенсивность обращения А. П. Чехова к библейским текстам. Как отмечает А. С. Собенников, «Священное Писание существует для Чехова прежде всего как часть человеческой культуры, связывающая поколения людей нитью духовной преемственности» [4, с. 30]. Посредством библейских реминисценций в рассказе «Архиерей» выстраиваются две смысловые проекции, определяющие широкие интерпретационные возможности прочтения чеховского текста: одна обусловлена временем действия — от Вербного воскресения до Пасхи — и способствует развитию сюжетной линии Христа, другая связана с мирским и монашеским именами главного героя, отсылающими к образам апостолов Петра и Павла.

В композиционно-содержательном плане автор следует за хронологией событий, описанных в Евангелии и получивших название Страсти Христовы. С самых первых строк в текст имплицитно включается легенда о последних днях земной жизни Спасителя. Уставшему и больному архиерею привиделось в толпе лицо матери, «и почему-то слезы потекли у него по лицу» [8, с. 186]. Постепенно его настроение передается всем присутствующим в соборе: «и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем» [8, с. 186]. Читатель, знающий, что в пятницу Иисус будет распят, проникается ощущением приближающейся смерти и исподволь подготавливается к похожему финалу произведения.

Постоянное противопоставление света и тени: в церкви «огни потускнели, фитили нагорели, было все как в тумане», «в сумерках толпа колыхалась», «в тумане не было видно дверей»; а на улице все купается в свете: «сад, освещенный луной», «колокольня, вся залитая светом», электрическое освещение у купца Еракина и т.д. — способствует возникновению ассоциаций с притчей Христа о свете и тени, рассказанной ученикам незадолго до Распятия: «еще на малое время свет есть с вами, ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет» (Ин 13:35). Последние слова соотносятся с преосвященным Петром, который оказался в ситуации жизненного тупика и переживает экзистенциальный кризис.

Построение фразы с троекратным повторением одного и того же слова напоминает библейскую манеру повествования. На эту особенность чеховской поэтики указывал еще И. Е. Репин: «А какой язык! — Библия!» [8, с. 504]. Например, в Евангелии от Иоанна приводятся слова Иисуса: «Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин 13:36). В «Архиерее»: «Белые стены, белые кресты на могилах, белые березы и черные тени» [8, с. 187], причем, уже само слово «белый» включает в себе значение «светлый», в противоположность чему-нибудь более темному, черному. Известно, что белый традиционно трактовался

как символ смерти и имел повсеместное распространение в погребальной одежде восточных славян. Таким образом, белый цвет также становится сигналом драматической развязки.

Однако Чехов никогда не строит свои произведения лишь на одной ноте, поэтому несмотря на преобладание трагической тональности он включает в повествование элементы комизма, добиваясь неожиданной смены эмоций и состояний, усложняя восприятие читателем мира его героев, позволяя ощутить тончайшие и неуловимые импульсы, проследить как складывается мозаика человеческой души. Так после службы, Петр мысленно переносится в детство, в родное село и вспоминает, как однажды семинарист, сын местного священника, выбрал кухарку: «Ах ты, ослица Иегудиилова!» и как отец его «устыдился, так как не мог вспомнить, где в священном писании упоминается такая ослица» [8, с. 188]. Возникает ассоциация с широко известным библейским фразеологизмом — «Валаамова ослица». В Ветхом Завете есть также персонаж по имени Иегудий (Иудей), но у него ослицы не было. Это комическое переименование, травестирование библейских образов, подтрунивание над деревенскими малообразованными дьячками, вроде прозвища Демьян-Змеевидец и шутки над глухим Илларионом — яркие приметы игровой поэтики раннего творчества писателя. Но за внешним комизмом кроется и совершенно определенная библейская реминисценция, подсказанная художественным временем рассказа: *в ночь под Вербное воскресенье*. Следовательно, фраза попovichа является скрытой отсылкой к эпизоду Входа Господня в Иерусалим за неделю до Пасхи, когда *накануне* Христос послал двоих учеников к горе Елеонской, чтобы они привели ослицу и молодого осла, на которых Сын Давидов и въехал в Иерусалим (Мф 21:1–9), как предрекал еще Пророк Захария (Зах 9:9).

Вечером следующего дня, в Вербное воскресенье, отец Сисой натирает занемогшему благочинному грудь и спину свечным салом. Данная деталь воспринимается как реминисценция эпизода помазания Иисуса в Вифании. Слова Христа о символике этого действия: «Возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению» (Мф 26:12) — намекают и на скорую кончину преосвященного.

Имя матери героя также отсылает к библейской мифологии. Образом Марии Тимофеевны получает развитие архетипический мотив всеобщего материнства: «у нее было девять душ детей и около сорока (число, выражающее собой совершенную полноту в Библии. — Е. И.) внуков» [8, с. 188]. Сисой в разговоре обращается к ней — «матушка» [8, с. 192]. В ее речи неоднократно упоминается Богородица: «Царица небесная, матушка!» [8, с. 190]. Описание, которое дается в тексте, напоминает живописные изображения всегда скорбной Богоматери: «только

по необыкновенно добрым глазам, робкому, озабоченному взгляду <...> можно было догадаться, что это была мать» [8, с. 198]; «Отчего у бабушки», — думает Катя, — «страдание на лице, отчего она говорит такие трогательные, печальные слова» [8, с. 200].

На событийном уровне рассказа можно выделить ряд прямых указаний на текст Нового Завета, связанных с церковными обрядами на Страстной седмице, хорошо знакомыми писателю с детства, и также существенно расширяющими подтекст.

Во вторник архиерей присутствует на вечерне, где слушает пение «про жениха, грядущего в полунощи, и про чертог украшенный» [8, с. 195]. Исследователь В. И. Тюпа полагает, что в данном эпизоде получает развитие один из основных лейтмотивов произведения — мотив радости, так как «пение „про жениха и про чертог“ <...> в восприятии современного Чехову читателя должно было <...> ассоциироваться со словами из Евангелия: „могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених?“» [5, с. 89]. Видимо, именно в связи с этим прошлое представляется архиерею «живым, прекрасным, радостным, каким, вероятно, никогда и не было» [8, с. 195].

Смысл притчи заключается в призыве к готовности во всякий день предстать перед Богом и отвечать за свои деяния: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Мф 24:42). Однако преосвященный «чувствовал не раскаяние в грехах, не скорбь, а душевный покой, тишину» [8, с. 195]. Слова Евангелия заставляют его задуматься над своей жизнью: «вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но все же не все было ясно, чего-то еще недоставало, не хотелось умирать; и все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного» [8, с. 195].

В страстной четверг в соборе «было омовение ног» [8, с. 196]. Речь идет об обряде, установленном церковным ритуалом, который совершается в память о Тайной Вечере, когда Сын Божий в очередной раз являет свое служение людям, умывая ноги ученикам, демонстрируя крайнее смирение (Ин 13:5). В отличие от Христа, который никогда не чурался мытарей, грешников и блудниц, епископ тяготился своими обязанностями, чувствовал себя некомфортно с простыми людьми, его «поражала пустота, мелкость» всего, чем ему приходилось заниматься. Он осознает бессмысленность, ненужность и бесплодность своей деятельности. На протяжении всего рассказа он только собирается поговорить с о. Сисоем о делах и местных порядках, помочь семье племянницы Кати, раздраженно выслушивает скучных и глупых просителей, некоторые из которых от страха даже сказать ничего не могут, но так ничего и не предпринимает.

Фраза «пора к страстям господним» [8, с. 201] возвещает наступление пятницы и одновременно обозначает кульминационную точку как евангельских, так и описываемых Чеховым событий. Физические страдания заболевшего брюшным тифом священнослужителя проецируются на крестные муки Христа: головная боль, жажда, ломота в ногах, «ноги совсем онемели, так что мало-помалу он перестал ощущать их, и непонятно ему было, как и на чем он стоит, отчего не падает...» [8, с. 201], натирание водкой с уксусом и, наконец, «кровотечение из кишок» и смерть, о которой сообщают с помощью эвфемизма «приказал долго жить», — являются аллюзиями, формирующими как поверхностные, так и глубинные символические структуры.

Здесь представляется возможным вспомнить притчу о пшеничном зерне: если оно, «пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12:24), которая позволяет сопоставить Сына Божьего и героя рассказа: вся земная жизнь Христа была всецело посвящена служению людям, Он умер на кресте, но Его смерть открыла людям двери в Царство Небесное, результатом ее явилась возможность спасения для всех. А жизнь архиерея, наоборот, свидетельствует о его разобщенности с людьми, поэтому он исчез бесследно, как будто его и не было на свете.

Об этом выразительно свидетельствует финал — Иисуса помнят на протяжении тысячелетий: «было весело, все благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем», «а о преосвященном Петре уже» через месяц «никто не вспоминал. А потом и совсем забыли» [8, с. 201].

Ассоциации с фигурой Христа и библейскими эпизодами позволяют выйти за конкретно-исторические рамки, придать повествованию общечеловеческое звучание, евангельский миф звучит как отдаленное эхо в сюжете и образе главного персонажа.

Однако христологическими аллюзиями и реминисценциями не исчерпывается смысловое богатство произведения. Существует еще один глубинный пласт текста, который скрыт за более проявленными параллелями со Страстями Господними.

Имя героя также инициирует актуализацию ряда библейских метафор и подразумевает интертекстуальные связи, позволяющие глубже осмыслить символическую нагрузку текста в рамках его богословской и мифологической парадигмы.

С древнейших времен в сознании различных народов укоренилось представление о том, что имя влияет на судьбу его носителя («по имени и житие»), являясь своеобразным ключом к внутреннему «я» человека, его подлинной сущности. В частности, П. А. Флоренский утверждал, что

«именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [6, с. 211].

Общеизвестно, с каким вниманием относился Чехов к именам собственным, задающим импульс для активизации ассоциативного мышления, способствующих вовлечению читателя в процесс интерпретации. Благочинный наречен дважды: имена Павел и Петр оказывают определенное влияние на характер, внутренний мир и внешний облик персонажа, обуславливают его поступки, взаимоотношения с окружающими людьми и, в конечном счете, раздваивают его личность. «Перед нами словно два человека, соединившиеся в одном: преосвященный Петр и Павел — сын деревенского дьячка Павлуша», — справедливо замечает В. И. Тюпа [5, с. 86].

Мирское и монашеское имена архиерея вызывают в памяти образы апостолов, так как именно они являются своего рода архетипами, наилучшими выразителями самой идеи, заключенной в имени. С рождения и до принятия сана его звали Павел, что может означать «средство духовного типа и общего пути жизни» [6, с. 188] с тринадцатым апостолом, который не был учеником Христа, и прославился как «апостол язычников». Возможно, это имя выражает народную, «наивную» веру мальчика Павлуши, еще не познавшего церковных догматов. По мнению П. А. Флоренского, «характер Павла следует понимать как весьма легко сообщаемый с первоосновой бытия» [6, с. 310]. В личности чеховского персонажа воплотились основные черты, присущие Павлам: скромность, доброжелательность, отсутствие каких-либо ярких и выдающихся способностей: «По крайней мере, до пятнадцати лет Павлуша был не развит и учился плохо» [8, с. 189], пассивность и безынициативность: «его *сделали* (здесь и далее курсив наш. — Е. И.) инспектором», «сделали ректором семинарии», «*посветили* в архимандриты» [8, с. 192].

Как известно, при пострижении совершается обряд переименования, когда послушник выбирает святого покровителя и в своем служении старается следовать его примеру. В монашестве преосвященный стал под покров апостола Петра.

Если исходить из положения П. А. Флоренского о том, что «в имени наиболее четко познается духовное строение личности, не затуманенное вторичными проявлениями и свободное от *шлаков биографии* и пыли истории» [6, с. 212], то можно выявить нечто общее между характерами апостола Петра и чеховского героя. Кстати, необходимо заметить, что «Петр» также не исконное имя ученика Христа. Первоначально его звали Симон. Кифой (арамейское Петр) же он назван Иисусом, который разглядел в нем скрытую силу и твердость характера: «ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: „камень“ (Петр)» (Ин 1:42). В

Библии нередко описываются случаи, когда Бог, избирая глашатаев и исполнителей своей воли, дает им соответствующие имена. Следовательно, «Петр» и в Евангелии, и в рассказе нареченное имя.

Симон-Петр занимает особое положение среди апостолов: он открывает ряд двенадцати избранных, о нем Сын Божий говорит: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18), ему предназначают ключи небесного царства и облакает пастырской властью (Ин 21:14–17). После смерти Христа ученик продолжает дело Учителя: проповедует, крестит, исцеляет, воскрешает.

Приняв имя этого апостола, сын деревенского дьячка возложил на себя важную миссию, требующую полной самоотдачи и самопожертвования. Викарный архиерей — один из высших чинов православного духовенства. Обращение к нему «владыко» подчеркивает полноту власти, мощи и силы, сосредоточенной в его руках.

Имя персонажа часто включает в себя в «свернутом» виде некий мифологический сюжет или мотив. Так, монашеское имя священнослужителя высвечивает параллели с ситуацией отречения апостола Петра от Иисуса. Т. А. Шеховцова считает, что тема вины и ответственности в данном произведении связана с тем, что «преосвященный Петр отрекается от своей миссии, от своего апостольства» [9, с. 21]. Героя угнетают обязанности, налагаемые его саном. Церковный чин оказался для него непосильной ношей, чуждым его внутреннему миру. Епископа начали раздражать робкие просители и вся русская действительность, от которой он отвык, живя за границей, архиерейские обязанности стали казаться ему пустыми, мелкими и никому не нужными.

Вероятно, причина этого кроется в том, что перемена имени влечет за собой перемену судьбы, трансформацию личности человека, принося ему страдания и невзгоды. П. А. Флоренский подчеркивал, что «привитые» человеку новые имена «могут быть настолько сильны, что оттесняют в сознании как самого переименованного, так и окружающих его основное имя на второй план» [6, с. 231]. Между тем, первоначальное, исконное имя продолжает исподволь оказывать влияние на внутренний мир преподобного.

Есть все основания предположить, что два имени протагониста передают два мироощущения: Павел — исконное, «наивное», языческое, близкое к природе, к человеческому естеству; Петр — христианское, канонизированное. Принятое при пострижении имя «Петр» не прижилось к личности Павла. Характеру чеховского персонажа ближе созерцательность Павла, чем энергичная деятельность Петра. Отсюда та трагическая раздвоенность, при которой одна часть его существа тянется к радостным, светлым воспоминаниям детства, к идее соборности, слитности со

всем, что живет и дышит на земле, а другая оказывается замкнутой в непробиваемой броне высокого сана, воздвигающего стену непонимания между владыкой и окружающими его людьми: «В его присутствии робели все, <...> „бухали“ ему в ноги», даже мать «чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью» [8, с. 191].

Очувтившись в пограничной ситуации, преосвященный начинает понимать, что шел не той дорогой, прожил «не свою» жизнь, нес не свой крест: «Какой я архиерей? <...> Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит все это... давит...» [8, с. 199]. В этом сказалось «главное противоречие жизни героя, истоки его будущей драмы — неадекватность личности и судьбы» [1, с. 51].

В тексте персонаж ни разу не называется полным именем, а только ласково, как обращаются к ребенку, — Павлуша. Не случайно, исконное имя употребляется только в те моменты, когда священнослужитель вспоминает свое детство: «и казалось тогда, что радость дрожит в воздухе, и он (тогда его звали Павлушей) ходил за иконой без шапки, босиком, с наивной верой, с наивной улыбкой, счастливый бесконечно» [8, с. 189]. У изголовья умирающего его мать «уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик, — заговорила она, — родной мой!.. Сыночек мой!..» [8, с. 200].

Данный эпизод напоминает древний обряд инвокаций, выкликания по имени, в основе которого лежало «действие имени» (О. М. Фрейденберг), когда чествуемое божество вызывалось по имени. Это был «акт воссоздания его существа, его сущности, находящейся в имени», акт повторный по отношению к свадьбе и похоронам и мыслящийся как «народнение новой, хотя все той же сущности» [7, с. 96]. Ласково произнесенное «Павлуша» свидетельствует о том, что мать и сына вновь объединяет та особая близость, какая была между ними в далеком и счастливом детстве преосвященного, поскольку «уменьшительность имени <...> имеет задачей выразить исключительный характер некоторых личных отношений, некоторый порыв чувства, некоторый особый оттенок обращения, некоторую субъективность» [6, с. 228].

С другой стороны, идея уменьшительности подчеркивается семантикой самого имени «Павел», переводимого с латинского как «малый, небольшой, незначительный» [2, с. 266]. Таким и выглядит владыка на пороге вечности: «и как будто он постарел, стал *меньше* ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, *незначительнее* всех» [8, с. 200]. Таким воспринимает его в последние часы жизни и мать. Даже телесные черты больного священнослужителя обретают сходство с каноническим обликом апостола Павла: «похудели, бородака длинней стала» [8, с. 190].

Вспоминается, что живописцы, как правило, запечатлевали «тринадцатого апостола» невысоким, худым, узколицым, лысым и длиннобородым. Петр же изображался величественным, с широким лицом, курчавыми волосами и округлой бородой [2, с. 309]. Изменение внешности архиерея, близость к иконографическому типу «апостола язычников» можно интерпретировать как окончательное возвращение к себе, к первоначальной духовной сущности его личности.

Финал дан в мажорной тональности, и не только потому, что наступила Пасха. Перед смертью чеховский герой освобождается от пут чуждого ему имени, сбрасывает с себя «футляр» своего сана, стремится прорваться к подлинному смыслу жизни: «и представилось ему, что он уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро и весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти куда угодно!» [8, с. 200].

Став снова Павлушей, возродив былое восприятие бытия, он вновь обретает себя: «Путь к богу, которым всю жизнь старался идти преосвященный Петр, привел его к самому себе, простому свободному человеку, перед которым рухнули все затворы и широко распахнулся весь мир» [3, с. 72].

Философский подтекст рассказа сводится к утверждению ценности простой свободной жизни. Человек может радоваться весне, пению птиц, плодородности земли и всего сущего на ней, только если сбросит с себя тягостную оболочку, свой «футляр», и прорвется к подлинному смыслу бытия.

Евангельские проекции и реминисценции в «Архиерее» становятся емким средством выражения тяготеющего к большим обобщениям содержания, обуславливают глубинную перспективу как произведения в целом, так и образа главного героя, способствуют формированию особой драматической и лирической тональности и организуют подтекст.

Библиографические ссылки

1. *Кубасов А. В.* Рассказы А. П. Чехова: поэтика жанра. Свердловск : Изд-во СГПИ, 1990.
2. *Мифы народов мира.* Энциклопедия: В 2 т. / под ред. С. А. Токарева. Т. II. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003.
3. *Мухин В. В.* Рассказ А. П. Чехова «Архиерей» и повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергей» // Творчество А. П. Чехова (Своеобразие метода, поэтика). Ростов н/Д. : РГПИ, 1988. С. 68–78.
4. *Собенников А. С.* Библейский образ в прозе А. П. Чехова: (Аксиология и поэтика) // О поэтике А. П. Чехова: Сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. С. 23–38.

5. *Тюпа В. И.* Художественность чеховского рассказа: Учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1989.
6. *Флоренский П. А.* Имена // Флоренский П. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3(2). М. : Мысль, 1999. С. 171–235.
7. *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М. : «Лабиринт», 1997.
8. *Чехов А. П.* Архиерей // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903. М. : Наука, 1977. С. 186–201.
9. *Шеховцова Т. А.* Сюжет апостола Петра в прозе А. П. Чехова и И. А. Бунина // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век. Вып. 9. М. : Наследие, 1997. С. 16–25.